

АРТУР

ШОПЕНГАУЭР

*О СВОБОДЕ ВОЛИ
ОБ ОСНОВЕ МОРАЛИ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Артур Шопенгауэр

О свободе воли. Об основе морали

«Издательство АСТ»

1837, 1839

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

Шопенгауэр А.

О свободе воли. Об основе морали / А. Шопенгауэр —
«Издательство АСТ», 1837, 1839 — (Эксклюзивная классика
(АСТ))

ISBN 978-5-17-153585-8

Артур Шопенгауэр (1788–1860) — выдающийся немецкий философ-иррационалист. Произведения, представленные на конкурс в Королевскую академию наук Норвегии, посвящены двум основным проблемам этики: свободе воли и основам морали. По Шопенгауэру, человек не обладает совершенной и устоявшейся природой. Следовательно, он в равной степени свободен и несвободен. Лишь только воля составляет сущность человека, поэтому свобода – удел немногих... И вот парадокс: в этом добровольном закабалении повинна прежде всего сама мораль. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

ISBN 978-5-17-153585-8

© Шопенгауэр А., 1837, 1839
© Издательство АСТ, 1837, 1839

Содержание

Две основные проблемы этики, рассмотренные в двух академических конкурсных сочинениях доктора Артура Шопенгауэра, члена Норвежской королевской академии наук	6
Предисловие к первому изданию	6
Предисловие ко второму изданию	22
Конкурсное сочинение на тему	24
I. Определение понятий	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Артур Шопенгауэр

О свободе воли

Об основе морали

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Серийное оформление А. Фереза, Е. Ферез

* * *

Две основные проблемы этики, рассмотренные в двух академических конкурсных сочинениях доктора Артура Шопенгауэра, члена Норвежской королевской академии наук

Megale e aletheia cai uperischuei.
(Велика истина и сильнее всего)¹

Предисловие к первому изданию

Возникнув независимо друг от друга, по внешнему поводу, предлагаемые два трактата слагаются, однако, в единую систему основных истин этики – систему, которая, можно надеяться, будет признана шагом вперед в этой науке, вот уже полстолетия не двигавшейся с места. Но ни в одном из них я не мог сослаться на другой, точно так же как и на мои прежние сочинения, потому что оба написаны для разных академий, а при этом, как известно, должно соблюдаться строгое инкогнито. Вот почему некоторые вопросы оказались неизбежно затронутыми в том и другом: ничего нельзя было предполагать за данное и всюду приходилось начинать *ab ovo* (с самого начала². – *лат.*). Это в особенности касается детального развития двух учений, которые в своих основных чертах содержатся в четвертой книге «Мира как воли и представления»; но там они выводятся из своей метафизики, стало быть, синтетически и *a priori*, – здесь же, где по обстоятельствам дела надлежало отказаться от всяких предпосылок, они получают себе аналитическое и апостериорное обоснование: таким образом, что там было первым, здесь оказывается последним. Но именно благодаря тому, что здесь исходным пунктом служит общепринятая точка зрения, а также благодаря подробному изложению учения эти много выиграли в удобопонятности и убедительности и важность их разъяснена гораздо полнее. По этой причине эти два трактата надо рассматривать как добавление к четвертой книге моего главного труда, подобно тому как мое сочинение «О воле в природе» является очень существенным и важным дополнением его второй книги. Впрочем, как ни разнородна их тема с темой только что названного сочинения, тем не менее между последним и ними существует действительная связь – сочинение это можно даже до некоторой степени назвать ключом к настоящей книге, и только уразумение этой связи обеспечит вполне законченное понимание их обоих. Если когда-нибудь со временем меня будут читать, то убедятся, что моя философия подобна стовратным Фивам: вход открыт со всех сторон и отовсюду прямой путь ведет к центру.

Замечу еще, что первый из этих двух трактатов уже был напечатан в девятом томе выходящих в Дронтгейме «Записок Королевской норвежской академии наук». Академия эта, ввиду отдаленности Дронтгейма от Германии, с величайшей готовностью и любезностью исполнила мою просьбу и разрешила мне издать эту конкурсную работу для Германии, за что я публично приношу здесь ей свою искреннюю благодарность.

Второй трактат Королевской датской академией наук не был удостоен премии, хотя на конкурсе не было представлено никакого другого труда. Так как Академия опубликовала свой отзыв о моей работе, то я вправе подвергнуть его разбору и представить свои возражения. Отзыв помещен мною вслед за соответствующим трактатом, и читатель узнает из него, что

¹ 2 Езд., 4: 41.

² *Ab ovo* – букв. «от яйца». Устойчивый фразеологический оборот, обозначающий «с самого начала».

Королевская академия не нашла в моей работе решительно никаких достоинств, а только одни недостатки и что недостатки эти сформулированы в трех различных пунктах, которые я теперь последовательно и рассмотрю.

Первый и главный аргумент, по отношению к которому остальные два имеют лишь второстепенное значение, заключается в том, будто я не понял темы, ошибочно вообразив, что требуется установить принцип этики, тогда как на самом деле вопрос главным образом касался *связи между метафизикой и этикой*. Я совершенно-де не занялся выяснением этой связи (*omisso enim eo, quod potissimum postulabatur*), говорится в начале отзыва; однако через три строчки это забывается и говорится противоположное, а именно: я будто бы выяснил эту связь (*principii ethicae et metaphysicae suae pexum exponit*), но сделал это в приложении, притом дав вопросу более широкую постановку, чем требовалось.

Не буду совсем касаться этого противоречия отзыва с самим собою: на мой взгляд, оно порождено тем затруднительным положением, в какое попала Академия. Я только попрошу беспристрастного и научно подготовленного читателя прочесть повнимательнее выставленную Датской академией *тему с предпосланным ей введением* – оно напечатано перед самим трактатом вместе со сделанным мною их переводом: и тогда пусть он решит, *о чем, собственно, идет речь в этой теме*, о последнем ли основании, принципе, фундаменте, истинном и подлинном источнике этики или же о связи между этикой и метафизикой. Чтобы помочь читателю, я подвергну здесь введение и тему аналитическому разбору и постараюсь представить их смысл в самом ясном виде. Во введении к теме говорится: «Существует необходимая идея моральности, или первичное понятие о моральном законе, выступающее в двояком виде, а именно, с одной стороны, в морали как науке, а с другой – в *действительной жизни*; в этой последней оно сказывается опять-таки двояко, именно частью в суждении о нашем собственном поведении, частью в суждении о поступках других. К этому первоначальному понятию моральности стали примыкать впоследствии еще другие, на него опирающиеся. На этом-то введении Академия и основывает свой вопрос: где же надо искать *источник и основу морали*? Не в первоначальной ли какой-нибудь идее моральности, которая, быть может, фактически и непосредственно дана в сознании или совести? Тогда надлежало бы анализировать эту идею, а также вытекающие из нее понятия. Или же мораль имеет какой-либо иной познавательный принцип?» По-латыни тема, если отбросить несущественное и дать словам вполне удобопонятное расположение, будет гласить: «*Ubinam sunt quaerenda fans et fundamentum philosophiae moralis? Suntne quaerenda in explicatione ideae moralitatis, quae conscientia immediate contineatur? an in alio cognoscendi principio?*» («Где искать источник и фундамент моральной философии: в объяснении идеи моральности, которая существует; в непосредственном сознании, или же в ином познавательном принципе?» – *лат.*). Этот последний вопрос самым ясным образом показывает, что вообще тут речь идет о *познавательном принципе морали*. Для пущей разумительности прибавлю еще парафрастическое толкование данной темы. Введение исходит из двух вполне *эмпирических* положений: «Существует фактически, – говорит оно, – наука о морали; факт тот, что в *действительной жизни* обнаруживается наличие моральных понятий, именно частью, когда мы сами, в своей совести, делаем моральную оценку нашим собственным поступкам, частью – когда мы обсуждаем в моральном отношении поступки других. Равным образом имеются разного рода моральные понятия – например, долг, вменяемость и т. п., – с которыми все считаются. Во всем этом явно проглядывает какая-то исконная идея моральности, основная мысль о каком-то моральном законе, необходимость которого, однако, особого свойства, а не чисто *логическая*, т. е. ее нельзя доказать на основании одного закона противоречия, из подвергаемых оценке поступков или из лежащих в их основе правил. Из этого морального первопонятия вышли потом остальные главные моральные понятия, которые от него зависят, а потому с ним нераздельны. На что же все это опирается? Ведь решение этого вопроса имеет большое значение. Поэтому Академия и предлагает следующую задачу: надо

искать (quaerenda sunt) источник, т. е. первоначало морали, ее основу. Где же искать его, т. е. где можно его найти? Быть может, в какой-нибудь врожденной нам *идее моральности*, содержащейся в нашем сознании, или совести? В таком случае оставалось бы только проанализировать (*explicandis*) эту идею вместе с зависящими от нее понятиями. Или же его надо искать где-нибудь в другом месте? Т. е. не имеет ли мораль своим источником какой-либо совершенно иной познавательный принцип наших обязанностей, нежели только что приведенный в виде предположения и примера?» Таково содержание введения и темы, выраженное пространнее и яснее, но вполне правильно и точно.

У кого же останется теперь хотя бы малейшее сомнение в том, что Королевская академия спрашивает об *источнике*, первом начале, основе, последнем познавательном принципе *морали*? Но ведь у *морали*, безусловно, не может быть иного источника и основы, чем у самой *моральности*: ибо то, что теоретически и в идее есть мораль, практически и реально будет *моральностью*. Но источником *моральности* необходимо должно быть последнее основание ко всякому морально добропорядочному поведению: именно это основание должна, таким образом, выставить со своей стороны также и мораль, чтобы опираться и ссылаться на него во всем, что она предписывает человеку, если только она не желает диктовать свои предписания совершенно произвольно или строить их на ложной основе. Она должна, следовательно, указать это последнее основание всякой моральности; ибо оно служит краеугольным камнем ее научных построений, как в нем же черпает свое начало практическая моральность. Это и есть, бесспорно, то *fundamentum philosophiae moralis* (основание моральной философии. – *лат.*), о котором спрашивает тема: ясно, стало быть, как день, что тема действительно предлагает искать и выставить *принцип этики* (*ut principium aliquod Ethicae conderetur*) не в смысле просто высшего предписания, основного правила, а как *реальную основу всякой моральности и потому познавательную основу морали*. А меж тем рецензия *отрицает* это, говоря, что мой трактат не может быть премирован ввиду такого моего понимания задачи. Но так поймет и должен понять ее всякий, кто прочтет тему: это прямо напечатано там в ясных, недвусмысленных выражениях и не может быть толкуемо иначе, пока слова латинского языка сохраняют свой смысл.

Я пустился здесь в подробности; но это дело важное и достойное внимания. Ибо из сказанного с несомненностью явствует, что, *по словам Академии, она не задавала вопроса, который, очевидно и бесспорно, ею был задан.* Она утверждает, напротив, что спрашивала нечто иное. Именно: главным предметом конкурсной темы (только ее можно разуметь под словами *ipsum thema*) была будто бы *связь между метафизикой и моралью*. Пусть теперь читатель соблаговолит взглянуть, говорится ли об этом хоть *одно слово* в самой теме или во введении: ни звука, ни намек даже. Ведь кто спрашивает о связи двух наук, тот должен, по крайней мере, их обе назвать, но о метафизике не упоминается ни в теме, ни во введении. Впрочем, вся эта главная фраза в отзыве станет яснее, если вместо извращенной конструкции дать ей естественную, так что при сохранении совершенно тех же самых выражений она будет гласить: «*Ipsum thema ejusmodi disputationem flagitabat, in qua vel praecipuo loco metaphysicae et ethicae nexus consideraretur: sed scriptor, omisso eo, quod potissimum postulabatur, hoc expeti putavit, ut principium aliquod ethicae conderetur: itaque eam partem commentationis suae, in qua principii ethicae a se propositi et metaphysicae suae nexum exponit, appendicis loco habuit, in qua plus, quam postulatum esset, praestaret*» («Эта тема требовала такого исследования, в котором прежде всего должна рассматриваться связь метафизики и этики; но, пренебрегая тем, что от него требовалось в первую очередь, автор посчитал, что речь должна идти об установлении некоего принципа этики, поэтому он представил ту часть своего сочинения, в которой толкуется связь установленного им этического принципа с его метафизикой, только в приложении, в каковом он к тому же излагает больше, чем от него требовалось». – *лат.*). Да вопрос о связи между метафизикой и моралью совершенно не вяжется и с той точкой зрения, из которой

исходит *введение* к теме: ведь последнее начинается с *эмпирических* замечаний, ссылается на моральные суждения, имеющие применение в *обыденной жизни*, и т. п., затем спрашивает, на чем же все это в конце концов *основано*, – и, наконец, предлагает как пример возможного решения врожденную, данную в сознании идею моральности, т. е. в своем примере, в виде опыта, и предположительно принимает за решение чисто *психологический факт*, а не какое-либо метафизическое умозрение. Но из этого ясно можно заключить, что тут высказано требование, чтобы мораль была обоснована на каком-либо *факте*, в сознании ли или во внешнем мире, а не желание видеть ее выведенной из фантазий какой-либо метафизики; поэтому Академия с полным правом могла бы отвергнуть сочинение, разрешающее вопрос этим последним способом. Над этим стоит подумать. А тут еще присоединяется и то обстоятельство, что якобы поставленный, хотя нигде не выраженный, вопрос о *связи между метафизикой и моралью* совершенно не допускает ответа и, следовательно, если признать за Академией хоть какое-нибудь понимание дела, был бы *невозможен*: на него *не может быть ответа* потому именно, что *просто метафизики* нет, а существуют лишь различные (притом в высшей степени различные) *метафизики*, т. е. всякого рода попытки к метафизике, – их очень много, именно столько, сколько когда-либо было философов, так что каждая из них поет совершенно иную песню, и потому все они в корне расходятся и разногласят одна с другой. Поэтому позволительно, конечно, спрашивать о связи между этикой и аристотелевской, эпикуровской, Спинозовской, Лейбницевской, Локковской или иной какой определенно указанной метафизикой; но никогда и ни в коем случае нельзя спрашивать о связи между этикой и *просто метафизикой* – ибо вопрос этот был бы лишен всякого определенного смысла, предполагая соотношение между вещью данной и вещью совершенно неопределенной, быть может даже невозможной. Ибо пока не существует признанная объективной и неоспоримой метафизика, т. е. *просто метафизика*, мы не знаем даже, возможна ли вообще подобная метафизика, а также – какова она будет и может быть. Если, впрочем, возразят, что у нас все-таки есть совершенно общее, стало быть, конечно, неопределенное понятие о *метафизике вообще*, с точки зрения которого и можно было бы спросить о связи вообще между этой метафизикой *in abstracto* и этикой, то с этим придется согласиться; однако ответ на взятый в этом смысле вопрос был бы настолько легок и прост, что смешно было бы назначать за него премию. А именно: он не мог бы заключаться ни в чем ином, как только в утверждении, что истинная и законченная метафизика должна доставить прочную опору, последние основания также и этике. К тому же эта мысль развита мною в самом первом параграфе моего трактата, где я между трудностями предстоящей мне задачи в особенности отмечаю то, что она по самому своему характеру исключает обоснование этики с помощью какой-либо данной метафизики, которая служила бы отправным пунктом и на которую можно было бы опереться.

Итак, здесь мною неопровержимо доказано, что Королевская датская академия действительно поставила вопрос, от которого она отрекается; вопрос же, который, по ее словам, она задала, *не был*, да и не мог быть ею задан. Такое поведение Королевской датской академии, по выставленному мною моральному принципу, будет, конечно, неправильным, но так как она моего морального принципа не признает, то для нее само собою найдется какой-нибудь другой, согласно которому она будет права.

А на то, о чем *действительно* спрашивала Датская академия, мною дан точный ответ. Прежде всего в *отрицательном* отделе трактата я доказал, что за принципом этики надо обращаться не туда, где в последние шестьдесят лет с уверенностью полагают его местопребывание. Затем в *положительном* отделе я раскрыл подлинный источник морально одобряемых поступков и действительно *доказал*, что они исходят из этого источника и ниоткуда более исходить не могут. В заключение я выяснил связь, в какой эта реальная основа этики стоит не с *моей* метафизикой, как ложно утверждает рецензия, да и вообще не с какой-либо определенной метафизикой, а с общей основною мыслью, присущей очень многим метафизическим системам,

быть может, большинству – несомненно, во всяком случае, древнейшим – по моему мнению, наиболее истинным из них. Этот метафизический очерк дан мною не в качестве приложения, как говорится в рецензии, а в качестве последней главы трактата: это заключительный камень всего построения, завершающая его высшая точка зрения. Если я при этом упомянул, что даю здесь больше, чем собственно требуется темой, то это именно потому, что последняя ни одним словом не указывает на метафизическое истолкование вопроса, а тем не менее будто бы его только, собственно, и имеет в виду, как утверждает это рецензия. Впрочем, будет ли этот метафизический разбор прибавлением, т. е. чем-то представляющим собою излишек сравнительно с тем, что требовалось, или нет, – это вещь второстепенная, даже вовсе безразличная: достаточно, что он имеется. Если же рецензия *это* желает поставить мне в вину, то в этом обнаруживается то затруднительное положение, в котором очутились ее авторы: они хватаются за все, чтобы только найти какое-нибудь возражение против моей работы. И по самой сути дела, впрочем, названный метафизический очерк должен был составить заключение трактата. Ибо, будь он предпослан в начале, принцип этики пришлось бы выводить из него *синтетически*, а это возможно было бы в том лишь случае, если бы Академия указала, какую из многочисленных, столь резко отличающихся между собою метафизик угодно ей выбрать для выведения этического принципа; но истинность последнего была бы тогда в полной зависимости от принятой при этом метафизики, т. е. оставалась бы проблематичной. Таким образом, характер вопроса делал необходимым *аналитическое* обоснование морального первопринципа, иными словами, обоснование, которое черпается из действительного строя вещей, без предположения какой-либо метафизики. Именно потому, что в новейшее время путь этот всеми был признан за единственно надежный, *Кант* и попытался обосновать моральный принцип аналитически, независимо от всяких метафизических предпосылок, как это сделали еще раньше английские моралисты. Вновь отказываться от этого метода было бы явным шагом назад. Если бы Академия все-таки этого требовала, она должна была бы по крайней мере самым определенным образом это высказать: но в ее теме нет даже и намека на подобное требование.

Если уж Датская академия великодушно умолчала об основном недостатке моего труда, то и у меня нет причины открывать его. Боюсь только, что это нам несколько не поможет, ибо предвижу, что чутье проницательного читателя все-таки наведет его на след и укажет, где дело нечисто. Может, пожалуй, ввести его в заблуждение то обстоятельство, что мой норвежский трактат, по крайней мере, в такой же степени страдает этим самым основным недостатком. Правда, это не помешало Королевской норвежской академии увенчать мою работу. Зато и принадлежать к этой Академии есть честь, значение которой я с каждым днем начинаю яснее видеть и полнее ценить. Ибо как истинная Академия она не знает никаких иных интересов, кроме интересов истины, света, содействия человеческому пониманию и познанию. Академия не религиозный трибунал. Но прежде чем предлагать в качестве конкурсных тем столь высокие, серьезные и опасные вопросы, как оба те, которым посвящены эти два трактата, каждая академия должна, конечно, отдать себе самой отчет и твердо установить, действительно ли она готова публично стать на сторону истины, что бы последняя ни гласила (ибо какова будет истина, этого она заранее знать не может). Ведь потом, когда на серьезный вопрос последует серьезный ответ, поздно будет брать его назад. И раз уже приглашен каменный гость, то при его приходе даже Дон Жуан слишком джентльмен, чтобы отречься от своего приглашения. Опасения за последствия и есть, без сомнения, та причина, почему европейские академии обычно весьма остерегаются выставлять подобные темы. В самом деле, два разработанных здесь конкурсных вопроса – первые в этом роде, с которыми, насколько я помню, пришлось мне встретиться в жизни: поэтому-то, *pour la rarete du fait* (из-за редкости дела. – *фр.*), я и взялся дать на них ответ. Ибо хотя мне давно уже стало ясно, что я слишком серьезно отношусь к философии, чтобы мог сделаться ее профессором, но я все-таки не думал, что тот же самый порок может повредить мне и в глазах какой-либо академии.

Второй недостаток моего трактата выражен Королевской датской академией в словах: «Scriptor neque ipsa disserendi forma nobis satisfacit» («Автор не удовлетворил нас и самой формой диссертации»). Против этого возражать нечего: это – субъективное суждение Королевской датской академии, для иллюстрации которого я публикую мой труд, присоединив к нему рецензию, чтобы она не утратилась, а сохранилась в целостности.

«Est'an udor te r ee cai dendrea macra tethele Helios t'anion phaine lampre te selene Cai potamoï plethosin, analyze de thalassa, Aggeleo parioysi, Midas oti tede tethaptai» («Пока течет вода и цветут высокие деревья, светит восходящее солнце и ясная луна, пока реки несут полные воды и плещется море – буду вещать проходящим, что здесь погребен Мидас». – *греч.*³).

Замечу при этом, что я даю здесь трактат в том самом виде, как он был отправлен в Академию, т. е. в нем не сделано никаких поправок, никаких изменений; немногие же коротенькие и несущественные добавления, внесенные мною уже после его отсылки, отмечены крестиком в начале и конце каждого из них, чтобы предупредить всякие отводы и оговорки. (Это имеет силу лишь для первого издания: в настоящем же крестики опущены, потому что в них есть нечто мешающее; к тому же теперь присоединилось много новых добавлений. Таким образом, кто желает познакомиться с трактатом совершенно в том виде, в каком он был послан Академии, тот должен обратиться к первому изданию.)

Рецензия добавляет к вышеприведенному: «...neque geapse hoc fundamentum sufficere evicit» («...да и на самом деле он не доказал достаточность этой основы»). В ответе я сошлюсь на то, что мое обоснование морали действительно и серьезно мною *доказано*, со строгостью, близкой к математической. Относительно *морали* я не имел себе в этом предшественников, и это стало для меня возможно лишь благодаря тому, что, глубже, чем кто-либо до меня, проникнув в природу человеческой воли, я вскрыл и обнаружил три ее конечные пружины, которыми определяются все ее действия.

Мало того, в рецензии следует далее еще: «...quin ipse contra esse confiteri coactus est» («даже сам он вынужден высказаться против»). Если это должно означать, будто я сам объявил свое обоснование морали недостаточным, то читатель убедится, что об этом нет и речи и ничего подобного мне не приходило в голову. Быть может, однако, этой фразой имелось в виду сделать намек на высказанное мною в одном месте замечание, что порочность противоестественных удовлетворений сладострастия нельзя выводить из того же принципа, что и добродетели справедливости и человеколюбия; но это значило бы из мухи делать слона и было бы только еще новым подтверждением того, что для бракования моей работы готовы были ухватиться за что угодно. В заключение и на прощание Королевская датская академия делает мне затем еще резкий выговор, на что я не могу признать за ней права, даже если бы повод к нему был основательным. Я постараюсь поэтому, чтобы выговор этот не пропал для нее даром. Он гласит: «Plures recentioris aetatis *summos philosophos* tarn indecenter commemorari, ut justam et gravem offensionem habeat» («О некоторых *величайших философах* новейшего времени отзывается так неприлично, что возбуждает справедливое и сильное негодование»). Эти *summi philosophi*, оказывается, – *Фихте и Гегель!* Ибо только о них я высказался в сильных и резких выражениях, следовательно, только к ним возможно было бы еще отнести употребленную Датской академией фразу; и конечно, заключающийся в ней упрек сам по себе был бы даже справедлив, если бы люди эти действительно были *summi philosophi*. А в этом единственно и заключается здесь все дело.

Что касается *Фихте*, то в своем трактате я лишь повторил и развил отзыв, высказанный мною уже двадцать два года назад в моем главном труде. В настоящем произведении я только мотивировал этот отзыв в специально посвященном *Фихте* обстоятельном параграфе, из кото-

³ Платон. Федр, 264 d: «Воды доколе текут и пышно древа расцветают, Я безотлучно пребуду на сей многослезной могиле, Мимо идущим вещая, что здесь Мидас похоронен».

рого достаточно явствует, насколько автор этот далек от того, чтобы быть *summus philosophus*; но я все-таки поставил его, как «человека с талантом», гораздо выше *Гегеля*. Только над этим последним я без комментариев произнес мое безусловное осуждение в самых решительных выражениях. Ибо, по моему убеждению, он не только не имеет никаких заслуг перед философией, но оказал на нее и через это вообще на всю немецкую литературу крайне пагубное, поистине отупляющее, можно сказать, тлетворное влияние: выступать при всяком удобном случае с самым энергичным противодействием этому есть долг каждого, кто способен самостоятельно судить. Ведь если будем молчать мы, кто же будет тогда говорить? Таким образом, сделанный мне в конце рецензии выговор имеет в виду, наряду с *Фихте*, *Гегеля*: о нем-то именно, так как ему всего больше досталось, и идет прежде всего речь, когда Королевская датская академия говорит о «*recentioris aetatis summis philosophis*», к которым я будто бы неприличным образом не проявил должного почтения. Итак, она публично, с того же самого судейского кресла, с которого ею с безусловным порицанием отвергаются труды, подобные моему, объявляет *Гегеля summus philosophus*.

Когда соединившиеся в заговор для прославления ничтожеств журнальные писаки, когда наемные профессора гегельянщины и алчущие кафедры приват-доценты эту зауряднейшую голову, но незаурядного шарлатана неустанно и с беспримерным бесстыдством на все четыре стороны света превозносят как величайшего философа, какого когда-либо видел мир, то это не заслуживает серьезного внимания – тем более что грубая корыстность такого недостойного поведения постепенно должна делаться очевидной даже малоопытному человеку. Но когда дело доходит до того, что наш философских дел мастер обретает себе защиту в иностранной академии, величающей его *summus philosophus* и даже позволяющей себе оскорблять человека, который честно и бесстрашно выступает против ложной, происками, деньгами и солидарною ложью добытой славы, выступает с энергией, какая необходима по отношению к подобному наглomu расхваливанию и навязыванию того, что фальшиво, негодно и губительно для ума, то это уже вещь серьезная, ибо имеющий такую санкцию отзыв может вовлечь несведущих в большое и вредное заблуждение. Его влияние надо, следовательно, *нейтрализовать*, а так как у меня нет авторитета Академии, мне приходится прибегнуть к основаниям и доказательствам. И я хочу поэтому изложить их здесь в такой ясной и понятной форме, что они, можно надеяться, заставят Датскую академию помнить на будущее время о совете Горация:

«*Qualem commendes, etiam atque etiam adspice, ne mox Incutiant aliena tibi peccata pudorem*» («Другу кого представляешь, еще и еще осмотри ты. Стыд чтоб потом на тебя за чужие не пал прегрешенья»⁴. – *лат.*).

Итак, я буду прав, если с этой целью скажу, что так называемая философия этого *Гегеля* – колоссальная мистификация, которая и у наших потомков будет служить неисчерпаемым материалом для насмешек над нашим временем: что это псевдофилософия, расслабляющая все умственные способности, заглушающая всякое подлинное мышление и ставящая на его место – с помощью беззаконнейшего злоупотребления словами – пустейшую, бессмысленнейшую и потому, как показывают результаты, умопомрачительнейшую словесную чепуху; что она, имея своим ядром неведомо откуда взятую и вздорную выдумку, не знает ни оснований, ни следствий, т. е. ничем не доказывается, и сама ничего не доказывает, и ничего не объясняет, и к тому же, лишняя оригинальности, является простой пародией на схоластический реализм и одновременно на спинозизм – чудовище, долженствующее притом же еще, с оборотной своей стороны, представлять собою христианство:

«*Prosthe Icon, oripthen de dracon, messe de chimaira*» («Лев головою, задом дракон и коза серединой»⁵. – *греч.*).

⁴ Гораций. Послания, 1, 18, 76.

⁵ Гомер. Илиада, 6, 181.

И если я скажу далее, что этот *summus philosophus* Датской академии размазывал бессмыслицу, как ни один смертный до него, – так что кто может читать его наиболее прославленное произведение, так называемую «Феноменологию духа», не испытывая в то же время такого чувства, как если бы он был в доме умалишенных, того надо считать достойным этого местожительства, то я буду не менее прав. Но Датская академия может, пожалуй, здесь извернуться, заявив, что высокие учения этой мудрости недоступны низменным интеллектам, подобным моему, и что то, что мне кажется бессмыслицей, на самом деле – бездонное глубокомыслие. Мне надо, стало быть, поискать какой-нибудь более надежный прием, который действовал бы наверняка, и так прижать противника к стене, чтобы для него не было уже никакого выхода. Поэтому я теперь непреерекаемо докажу, что у этого *summus philosophus* Датской академии не доставало даже обыденного здравого смысла, несмотря на всю его обыденность. А что и без него можно быть *summus philosophus* – такого тезиса Академия не выставит. Для подтверждения же своих слов я приведу *три* различных примера, причем примеры эти будут взяты из той книги, где Гегель наиболее должен был бы отдать себе отчет, сосредоточиться и подумать над тем, что он писал, – именно из его учебного компедиума, озаглавленного «Энциклопедия философских наук», – книги, которую один гегельянец назвал библией гегельянцев.

Итак, там, в отделе «Физика», § 293 (второе издание 1827 г.), он говорит об удельном весе, именующемся у него удельной тяжестью, и, оспаривая положение, что вес этот зависит от различия в пористости, пользуется такого рода аргументом: «Примером *существования* специфического разнообразия веса тела служит следующее явление: железный стержень, установленный в равновесии на своей точке опоры, теряет равновесие, как только его *намагничивают* и он оказывается теперь более тяжелым на одном конце, чем на другом. Здесь одна часть железного стержня благодаря его намагничиванию делается тяжелее, не изменяя своего объема; таким образом, материя, масса которой не изменилась, сделалась удельно тяжелее⁶. – Здесь, стало быть, *summus philosophus* Датской академии делает такое заключение: «Если стержень, имеющий опору в своем центре тяжести, станет потом тяжелее на одном своем конце, то он наклонится в эту сторону; но железный стержень, подвергнутый действию магнита, опускается одним своим концом, следовательно, он стал тут тяжелее». Достойная аналогия к выводу: «Все гуси имеют две ноги, у тебя две ноги, следовательно, ты – гусь». Ибо приведенный в категорическую форму гегелевский силлогизм гласит: «Все, что становится тяжелее на одной стороне, наклоняется в эту сторону; этот стержень под действием магнита наклоняется одним своим концом, следовательно, он стал здесь тяжелее». Такова силлогистика нашего *summi philosophi* и реформатора логики, которому, к сожалению, забыли втолковать, что «*e meris affirmativis in secunda figura nihil sequitur*» (из двух утвердительных посылок во второй фигуре нельзя извлечь вывода. – *лат.*). Говоря же серьезно, уже сама *врожденная* логика делает такого рода заключения невозможными для всякого здравого и правого рассудка; и именно ее отсутствие обозначается словом «*недомыслие*». Нет нужды разъяснять, насколько учебник, содержащий подобного рода аргументации и толкующий о приобретении телами большей тяжести без увеличения их массы, способен направить вкривь и вкось здравый рассудок молодых людей. Вот первый образчик. Второй пример, свидетельствующий об отсутствии у *summus philosophus* Датской академии обыкновенного здравого смысла, содержится в § 269 того же главного и учебного произведения в виде такой фразы: «Тяготение непосредственно противоречит закону инерции, ибо вследствие тяготения материя стремится выйти *из самой себя* и перейти к другой материи⁷. Как?! Не понять, что притяжение одного тела другим столь же мало противоречит закону инерции, как и передача толчка от одного тела к другому?! И в том и в другом случае существующие раньше покой или движение прекращаются либо изменяются благодаря вмешательству внеш-

⁶ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 2. С. 176.

⁷ Там же. С. 88.

ней причины, и притом так, что и при притяжении, и при толчке действие и противодействие взаимно равны. И с таким нахальством расписывать подобный вздор! И это в учебнике для студентов, которые таким путем получают – и, быть может, навсегда – совершенно превратное представление о первых основных понятиях естествознания, обязательных для всякого ученого! Воистину, чем незаслуженнее слава, тем с большею наглостью выступает она. Кто умеет мыслить (чего не водилось за нашим *summus philosophus*, который лишь на языке постоянно держал слово «мысль», подобно тому как на вывеске гостиниц бывают изображены князья, никогда туда не заглядывавшие), для того движение тела от толчка нисколько не понятнее, чем движение его от притяжения: в основе того и другого явления лежат неведомые нам силы природы, каковые предполагаются всяким причинным объяснением. Если поэтому говорить, что тело, привлекаемое другим телом вследствие тяготения, «само собою» к нему стремится, то надо также говорить, что тело, получившее толчок, «само собою» бежит перед телом, его толкающим, – и в обоих случаях закон инерции надо считать нарушенным. Закон инерции непосредственно вытекает из закона причинной связи, даже, собственно, представляет лишь его оборотную сторону. «Всякое изменение производится какой-либо причиной», – говорит закон причинности; «Где не привходит какая-либо причина, там не наступает изменения», – говорит закон инерции. Вот почему факт, противоречащий закону инерции, непременно должен противоречить и закону причинности, т. е. тому, что достоверно *a priori*, и являть перед нами действие без причины, – а такого рода допущение есть ядро всякого *недомыслия*. Это второй пример.

Третий образчик только что названного врожденного свойства *summus philosophus* Датской академии дает в § 298 того же шедевра. Здесь он, полемизируя против объяснения упругости порами, говорит: «Хотя абстрактно признают, что материя преходяща, а не абсолютна, но все же начинают восставать против этого положения при его применении... так что фактически материя принимается лишь как утвердительная, как *абсолютно самостоятельная, вечная*. Это заблуждение получило силу благодаря всеобщему заблуждению рассудка...⁸, и т. д. Какой дурак полагал когда-либо, что *материя преходяща*? И какой дурак называет противное заблуждением? Что материя *пробывает*, т. е. не возникает и не погибает, подобно всему остальному, а, неразрушимая и невозникшая, все время сохраняет свое существование, так что ее количество не может ни увеличиваться, ни уменьшаться, – это априорное познание, столь же твердое и несомненное, как любая математическая истина. Мы, безусловно, не в состоянии хотя бы только представить себе возникновение и гибель материи: этого не позволяет форма нашего рассудка. Отрицать это, объявлять это заблуждением – значит, стало быть, напрямик отказываться от всякого рассудка. Это вот третий пример.

Материи можно даже с полным правом придать предикат «абсолютная», выражающий, что ее бытие лежит всецело вне сферы причинности и не входит в бесконечную цепь причин и действий, которая охватывает и связывает одна с другой лишь ее акциденции, состояния, формы: только на эти последние, на происходящие с материей *изменения*, а не самое материю простираются закон причинности и предполагаемое им возникновение и уничтожение. Этот предикат – «абсолютная» – даже собственно только к материи и приложим, приобретает здесь реальность и допустимость: помимо того, это будет сказуемое, для которого совсем нет подлежащего, т. е. из воздуха схваченное, никакого реального воплощения не позволяющее понятие, просто-напросто как бы упругий мяч в руках философов-забавников. Между прочим, вышеприведенное изречение этого *Гегеля* очень наивно раскрывает, какой, собственно, старушечьей и благонамеренной философии детски предан в сердце своем столь возвышенный, гипер-трансцендентный, выпренный и бездонно-глубокий философ и к каким вещам он никогда не осмеливался отнести критически.

⁸ Там же. С. 187.

Итак, *summus philosophus* Датской академии прямо учит, что тела могут становиться тяжелее без увеличения их массы и что это, в частности, бывает с железным стержнем, подвергнутым действию магнита; далее – что тяготение противоречит закону инерции; наконец, еще – что материя преходяща. Этих трех примеров достаточно, конечно, чтобы во всей прелесть показать, что за зрелище предстает нам, если приподнять плотный покров насмехающейся над всяким человеческим разумом бессмысленной галиматьи, в которую обычно кутается наш *summus philosophus*, важно в ней выступая и импонируя тем, кто умственно убог. Говорят: «*Ex ungue leonem*» («По лапе (узнают) льва». – *лат.*), я же должен, *decenter* или *indecenter* (прилично или неприлично. – *лат.*), сказать: «*Ex aure asinum*» («По ушам (узнают) осла»⁹. — *лат.*). Впрочем, пусть теперь люди справедливые и беспристрастные судят по предложенным здесь трем *speciminibus philosophiae Hegelianaе* (примерам гегелевской философии. – *лат.*), кто, собственно, *indecenter commemoravit* (неприлично отзывается. – *лат.*): тот ли, кто подобного глашатая нелепицы без околичностей назвал шарлатаном, или тот, кто *ex cathedra academica* (с академической кафедры. – *лат.*) возвел его в *summus philosophus*?

Надо к тому же прибавить, что при столь богатом выборе всякого рода нелепостей, какой мы находим в произведениях этого *summi philosophi*, я потому остановился на трех только что представленных, что здесь речь идет не о трудных, быть может, неразрешимых философских проблемах, допускающих из-за этой трудности различие во взглядах; с другой стороны, здесь не затрагиваются и какие-либо частные физические истины, предполагающие более детальные эмпирические познания; нет, дело касается априорных усмотрений, т. е. вопросов, которые всякий может решить простым размышлением. Поэтому-то превратные взгляды в подобного рода вопросах и служат решительным и бесспорным признаком совершенно необычного недомыслия, а наглое выставление таких бессмысленных положений в учебнике для студентов показывает нам, в какое бесстыдство впадает дюжинная голова, когда ее провозглашают великим умом. Вот почему не следует делать этого, какая бы цель ни имелась в виду. С тремя данными здесь *speciminibus in physicis* (примерами в физике. – *лат.*) сопоставьте место в § 98 того же шедевра, начинающееся словами: «Поставив, далее, рядом с силой отталкивания»¹⁰, – и посмотрите, с каким безграничным высокомерием этот грешник взирает на ньютоновское всеобщее притяжение и кантовские «*Метафизические начала естествознания*». У кого хватит терпения, пусть прочтет еще хотя бы § 40–62, где наш *summus philosophus* дает запутанное изложение кантовской философии и, неспособный оценить огромные заслуги *Канта*, а к тому же слишком низко одаренный природою, чтобы радоваться столь несказанно редкому зрелищу истинно великого ума, вместо того, в высоком сознании собственного бесконечного превосходства, бросает надменный взгляд на этого трижды великого человека как на такого, подобных которому он будто бы видит сотни и в слабых, ученических опытах которого он с холодным пренебрежением, полуиронически-полусострадательно отмечает ошибки, промахи в назидание своим ученикам. Сюда же принадлежит § 254. Это важничанье перед подлинными заслугами, конечно, общеизвестная уловка всех шарлатанов всякого рода и сорта; однако оно редко остается без влияния на слабые головы. Вот почему и у этого шарлатана, наряду с размазыванием бессмыслиц, главным приемом было важничанье, так что он при всяком случае надменно, брезгливо, презрительно и насмешливо взирал с высоты своих словопостроений не только на чужие философемы, но также и на всякую науку и ее метод, на все, что человеческий ум в течение веков завоевал своей пронизательностью, трудом и прилежанием. И этим он на самом деле возбудил у немецкой публики высокое мнение о заключенной в его абракадабре премудрости – ведь немцы думают: «*Sie sehen stolz und unzufrieden aus. Sie scheinen mir*

⁹ *Ex ungue leonem* (лат.) – «по лапе узнают льва» (Plutarch. De defectu oraculorum, 410 с. – афоризм Алкея). *Ex aure asinum* – «по ушам узнают осла», – вероятно, собственное наблюдение Шопенгауэра.

¹⁰ См.: Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1, С. 239–240.

aus einem edlen Haus («У них гордый и недовольный вид: по-видимому, они из благородной семьи»¹¹. – нем.).

Самостоятельность суждений – привилегия немногих; остальными руководят авторитет и пример. Они смотрят чужими глазами, слышат чужими ушами. Нет поэтому никакого труда думать так, как в данное время думает весь свет; но думать как все будут думать через тридцать лет – на это способен не всякий. Таким образом, кто, приученный к «*estime sur parole*» (уважению на слово. – фр.), приняв в *кредит* авторитет какого-нибудь писателя, пожелает потом внушить его и другим, тот легко может попасть в положение человека, который учел фальшивый вексель: когда он предъявит его для акцептации и получит обратно с обидным протестом, это научит его в другой раз внимательнее относиться к подписи векселедателя и тех, кто поставил на векселе свой бланк. Мне пришлось бы отречься от своего искреннего убеждения, если бы я не признал, что почетный титул «*summi philosophi*», употребленный Датской академией по отношению к этому губителю бумаги, времени и ума, объясняется главнейшим образом теми хвалебными криками, какие искусственно вызваны по его адресу в Германии, а также большим числом его сподвижников. Мне представляется поэтому целесообразным напомнить Королевской датской академии прекрасные слова, которыми некий действительный *summus philosophus*, Локк (удостоившийся чести получить от *Фихте* название самого плохого из всех философов), заканчивает предпоследнюю главу своего знаменитого шедевра. В угоду отечественным читателям привожу здесь это место в переводе:

«Как ни много кричат на свете по поводу заблуждений и мнений, я должен, однако, отдать людям справедливость и заявить, что во власти заблуждений и ложных мнений находятся не столь многие, как это обычно принимают. Не то чтобы я полагал, будто они признают истину, – но на самом деле у них совсем нет никаких мнений и мыслей относительно тех учений, которыми они доставляют столько хлопот себе и другим. Ибо если бы кто-нибудь немножко поисповедовал огромное большинство всех сторонников большей части сект на свете, тот не нашел бы, чтобы сами они держались какого-либо мнения относительно вещей, из-за которых они так ужасно усердствуют; еще менее оказалось бы у него причин думать, будто мнение это усвоено ими благодаря исследованию оснований и вероятным признакам истины. Нет, они просто решили крепко придерживаться той партии, в ряды которой поставило их воспитание или выгода, и, подобно простому солдату в войске, прилагают свое мужество и рвение по указанию своих предводителей, никогда не стараясь разобраться в том деле, которое они же защищают, или даже не имея о нем никакого понятия. Если все поведение человека показывает, что он не уделяет серьезного внимания религии, с какой стати нам предполагать, что он будет ломать себе голову и надсаживаться над церковными догматами, обсуждая основания того или иного учения? С него достаточно, если он, покорный своим руководителям, всегда держит наготове руки и язык для защиты общего дела, чтобы этим зарекомендовать себя в глазах тех, кто может доставить ему положение, поддержку и протекцию в обществе, к которому он принадлежит. Так становятся люди последователями и поборниками таких мнений, в которых они никогда не были убеждены, прозелитами которых они никогда не состояли и которые даже никогда в голову к ним не заглядывали. Хотя, таким образом, нельзя сказать, чтобы число невероятных и ошибочных мнений на свете было меньше, чем кажется, несомненно, однако, что их действительно придерживается и ложно считает их за истины меньшее число людей, чем это обычно себе представляют¹².

Локк, конечно, прав: кто хорошо платит, тот всегда найдет себе армию, хотя бы он шел на самое дурное дело в мире, приличными субсидиями можно некоторое время поддержать

¹¹ Ср.: «Мне думается, из господ. Вид несговорчивый и чванный». (Гёте И. В. Фауст // Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 2. С. 78) У Шопенгауэра изменен порядок строк.

¹² Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 2. С. 199.

на высоте не только сомнительного претендента, но и сомнительного философа. Локк, однако, упустил здесь из виду еще целый класс приверженцев ошибочных мнений и распространителей фальшивой славы, которые именно и составляют главный обоз, *gros de l'armée* (главные силы армии. – *фр.*): я разумею тех, кто не претендует, например, сделаться профессором гегельянщины или заполучить иное доходное местечко, но как чистые простофили (*gulls*), чувствуя свое полное умственное бессилие, болтают со слов людей, умеющих им импонировать, спешат присоединиться туда, где видят сборище, и сами начинают кричать там, где слышится шум. Чтобы с этой стороны пополнить данное Локком объяснение во все времена повторяющегося явления, я приведу здесь одно место из моего любимого испанского писателя – отрывок, который, во всяком случае, доставит удовольствие читателям, так как он чрезвычайно забавен и взят из прекрасной книги, почти неизвестной в Германии. В особенности же место это должно служить зеркалом для многих наших немецких молодых и старых простаков, которые в тихом, но глубоком сознании своей умственной несостоятельности поют вслед за плутами хвалу Гегелю и притворяются, что в лишенных содержания или даже преисполненных бессмыслицы изречениях этого философского шарлатана находят дивную глубину премудрости. «*Exempla sunt odiosa*» («Примеры предосудительны». – *лат.*); вот почему я беру этих господ лишь *in abstracto*, посвящая им поучение, что ничем мы так глубоко себя не унижаем по части интеллекта, как удивлением и похвалами по адресу того, что плохо. Ибо справедливо говорит Гельвеций: «*Le degre d'esprit necessaire pour nous plaire, est une mesure assez exacte du degre d'esprit que nous avons*» («Степень ума, необходимая, чтобы нам понравиться, является довольно точной мерой степени нашего собственного ума»¹³. – *фр.*). Гораздо скорее можно извинить, если некоторое время не пользуется признанием заслуга; ибо всякого рода совершенство, благодаря своей самобытности, появляется перед нами в столь новом и чуждом виде, что для того, чтобы признать его с первого взгляда, требуется не только рассудок, но и близкое знакомство с соответствующей областью; поэтому-то оно обычно находит себе позднее признание, и тем более позднее, чем к высшему разряду относится: действительные просветители человечества разделяют судьбу неподвижных звезд, свет которых лишь через много лет может попасть в пределы человеческого кругозора. Напротив, почитание плохого, фальшивого, бездарного или даже вздорного и прямо бессмысленного не допускает никакого оправдания: человек здесь раз навсегда доказывает, что он олух и, следовательно, таким до конца своих дней и останется: уму научиться нельзя. С другой стороны, я, пользуясь данным мне поводом для того, чтобы по заслугам отнестись к гегельянщине, этой чуме немецкой литературы, уверен в благодарности людей честных и понимающих, какие, быть может, еще существуют. Ибо они всецело будут разделять мнение, которое с удивительным единодушием высказывают Вольтер и Гёте в таких выражениях: «*La faveur prodiguee aux mauvais ouvrages est aussi contraire aux progres de l'esprit que le dechainement centre les bons*» («Благосклонность, растрчиваемая плохим произведениям, столь же вредит успехам ума, как и ожесточенное гонение против хороших». – *фр.*) (письмо к герцогине дю Мэн). «Подлинный обскурантизм не в том, что мешают распространению истинного, ясного, полезного, а в том, что дают ход фальши» («*Nachgelassene Werke*», т. 9, с. 54). А в какую же эпоху можно было наблюдать столь планомерное и насильственное культивирование безусловно негодного, как в Германии за эти последние двадцать лет? Когда еще можно отметить подобный апофеоз бессмыслицы и сумасбродства? Для какого другого времени столь пророческим указанием были стихи Шиллера: «*Ich sah des Ruhmes heil'ge Kränze / Auf der gemeinen Stirn entweiht*» («Я видел священные венцы славы оскверненными на низких лбах». – *нем.*).

Поэтому-то испанский отрывок, который я приведу, чтобы повеселее закончить это предисловие, так удивительно подходит к современности, что может возникнуть подозрение, не

¹³ Гельвеций К. А. Об уме // Соч.: В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 233.

написан ли он в 1840 г. вместо 1640 г.; я заявляю, однако, что он представляет собою точный перевод из «Критикона» Валтасара Грасиана, ч. III, кризис 4, с. 285 первого тома первого антверпенского in-quarto-издания «Obras de Lorenzo Gracian», 1702¹⁴.

«...Но путеводитель и отрезвитель двух наших путешественников (Критило – отец, и Андриенио – сын. «Отрезвитель» – Desengano, т. е. освобождение от обмана; это второй сын истины, первенец которой есть ненависть: *veritas odium parit* (истина родит ненависть)) нашел возможным из всех похвалить лишь одних канатчиков – за то, что они идут в обратном направлении, не так, как все.

Когда они наконец приехали, внимание их было привлечено звуками. Осмотревшись во все стороны, они увидели на обыкновенных дощатых подмостках ловкого краснобая, окруженного большим мельничным колесом публики, которую именно тут обмолачивали и обдывали.

Он крепко держал эту публику как своих пленников, прицепленных за уши – хотя и не золотой цепью фиванца (автор понимает Геркулеса, о котором он (ч. II, кр. 2. с. 133¹⁵, а также в «Agudcza y arte». Disc. 19, равным образом – в «Discrete», с. 398) говорит, что с его языка исходили цепочки, привязывавшие к нему окружающих за уши; автор смешивает, однако (введенный в заблуждение одной эмблемой у Альчиати¹⁶), Геркулеса с Меркурием, который изображался в таком виде как бог красноречия), а железною уздой. И вот этот молодчик с ужасающим многословием, которое в этом деле необходимо, предлагал напоказ различные диковины. «Теперь, господа, – говорил он, – я предьявлю вам крылатое чудо, которое притом же чудо по уму. Мне приятно, что я имею дело с лицами понимающими, с людьми настоящими; должно, однако, заметить, что если как-нибудь среди вас окажутся не одаренные совершенно необыкновенным умом, то им надо поскорее удалиться, потому что им не могут быть понятны высокие и тонкие вещи, какие сейчас будут происходить. Итак, внимание, господа с понятием и умом! Сейчас появится орел Юпитера, который говорит и рассуждает как таковому подобает, шутит как Зоил, язвит как Аристарх¹⁷. Всякое слово, выходящее из его уст, заключает в себе какую-нибудь тайну, какую-нибудь остроумную мысль с сотней намеков на сотню вещей. Все, что он ни скажет, все это будут сентенции *самой возвышенной глубины*» (выражение Гегеля в гегелевском издании «*Jahrbucher der wissenschaftlichen Literatur*». 1827. № 7; в оригинале сказано просто: «*profundidades et sentencias*» («глубокие мысли и высказывания»). «Это, без сомнения, – сказал *Критило*, – будет какой-нибудь богач или вельможа: ибо, будь он беден, все им сказанное было бы никуда не годным. Хорошо, когда поешь серебряным голосом, а еще лучше – когда говоришь золотым клювом». – «Ну! – продолжал шарлатан. – Пусть-ка теперь отклянутся господа, кто сам не орел по уму; ибо им тут делать теперь нечего». – «Что это? Никто не уходит? Никто не трогается с места?» Дело было в том, что никто не склонялся к пониманию, что у него нет понимания; все, напротив, считали себя очень понимающими, необычайно ценили свой ум и имели о себе высокое мнение. И вот он потянул за какую-то грубую узду, и появилось глупейшее из животных, ибо даже и назвать-то его составляет оскорбление. «Здесь вы видите, – кричал обманщик, – орла, орла по всем блестящим качествам, по мысли и по речи. Пусть только никто не вздумает сказать противоположное, ибо в таком случае он сделает плохую честь своему уму». – «Ей-богу, – воскликнул один, – я вижу его крылья: о, как они величавы!» – «А я, – сказал другой, – могу пересчитать на них перья: ах, как они прекрасны!» –

¹⁴ Ср.: Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон. М., 1981. С. 382–385.

¹⁵ См. там же. С. 212.

¹⁶ Альчиати Андреа – итальянский художник, автор знаменитой в прошлом «Книги эмблем», вышедшей в 1531 г. в Аугсбурге.

¹⁷ Зоил (IV в. до н. э.) – античный критик Гомера, Аристарх Самофракийский (II в. до н. э.) – греческий грамматик и критик.

«Разве вы не видите этого?» – обратился один к своему соседу. «Я не вижу? – вскричал тот. – Конечно вижу, да и как еще ясно!» Но один правдивый и рассудительный человек сказал своему соседу: «Как честный человек, я не вижу, чтобы это был орел и чтобы у него были перья; но вон, бесспорно, четыре хромые ноги и весьма почтенный хвост». – «Тесс!.. Тесс!.. – обратился к нему на это один его приятель. – Не говорите этого, вы себя совсем погубите: они вообразят, будто вы большой... et cetera. Ведь вы слышите, что говорим и делаем мы; ну и следуйте за течением». – «Клянусь всеми святыми, – сказал другой, тоже правдивый человек, – что это не только орел, но даже прямо его антипод: я говорю, что это большой... et cetera». – «Молчи, молчи! – остановил, толкая его локтем, приятель. – Ты хочешь, чтобы тебя все подняли на смех? Ты не должен называть его иначе как орлом, хотя бы ты думал совсем противное: ведь мы все так поступаем». – «Замечаете ли вы, – закричал шарлатан, – ту тонкость ума, какую он перед нами обнаруживает? Кто ее не уловит и не поймет, того должно признать лишенным всякой гениальности». Тотчас выскочил какой-то бакалавр, восклицая: «Какая прелесть! Что за великие мысли! Великолепнее нет ничего на свете! Какие изречения! Дайте мне их записать! Вечно пришлось бы жалеть, если бы из них пропала хоть йота (а после его кончины я издам свои записки)» (*lectio spuria, uncis inclusa* (слов, помещенных в скобках, нет в оригинале). В эту минуту чудесное животное затянуло свою раздирающую уши песнь, которая может сбить с толку целое собрание магистрата, и сопровождало ее таким потоком непристойностей, что все стояли ошеломленные, смотря друг на друга. «Глядите, глядите, разумные люди (надо писать по-немецки *gescheut*, а не *gescheit*; в основе этимологии этого слова лежит мысль, которую очень удачно выразил *Шамфор* в словах: «L'écriture a dit que le commencement de la sagesse était la crainte de Dieu; moi, je crois que c'est la cramte des homines» («В Писании сказано, что началом премудрости был страх Божий, я же думаю, что это страх перед людьми»¹⁸. – *фр.*)), – поспешно закричал хитрый плут, – глядите и становитесь на цыпочки! Это я называю говорить! Существует ли другой такой Аполлон, как этот? Как полагаете вы о тонкости его мыслей, о красноречии его языка? Есть ли на свете более великий ум?» Окружающие взирали друг на друга, но никто не осмелился заикнуться и высказать, что он думает и в чем именно дело, – из боязни, чтобы его только не сочли за дурака: напротив, все в один голос разразились похвалами и одобрениями. «Ах, – воскликнула смешная болтуня, – этот клюв совсем меня пленил: я готова была бы слушать его целый день». – «А меня пусть возьмет дьявол, – сказал потихоньку один разумник, – если это не осел и таким везде не останется; однако я остерегусь высказать это». – «Честное слово, – сказал другой, – это была, конечно, не речь, а ослиный крик, но горе тому, кто захочет сказать что-либо подобное! Так уж теперь ведется на свете: крот сходит за рысь, лягушка за канарейку, курица за льва, сверчок за щегла, осел за орла. Какая же мне нужда идти наперекор? Свои мысли я храню про себя, говорю же при этом как все, и оставьте меня в покое! В этом вся суть».

Критило пришел в крайнее негодование, будучи свидетелем такой пошлости – с одной, и такого лукавства – с другой стороны. «Неужели глупость может до такой степени овладеть головами?» – думал он. Но наглый фанфарон смеялся над всеми под прикрытием своего большого носа и, обращаясь, как в комедии, в сторону, с торжеством говорил самому себе: «Каково мы их всех дурачим? Мог ли быть такой успех даже у сводни?» И он снова угощал их сотнями несуразностей, опять восклицая: «Пусть только никто не говорит, будто это не так, иначе он выдаст себе патент на дурака». И это только все больше усиливало низко угодливое одобрение публики; уже и *Андренио* поступал подобно прочим. Но *Критило*, которому уже стало невмogu, готов был лопнуть. Он обратился к своему смолкнувшему отрезвителю со словами: «До каких пор этот человек будет злоупотреблять нашим терпением и доколе будешь ты молчать?»

¹⁸ А. Шопенгауэр иронически толкует этимологию слова *gescheit* («разумный», «рассудительный»), уверяя, что оно происходит от слова *scheuen* («бояться», «страшиться»).

Ведь бесстыдство и наглость переходят все границы!» Тот возразил: «Имей немножко терпения, дай сказать свое слово времени – оно непременно принесет с собой истину, как это всегда бывает. Подожди только, чтобы чудовище обратилось к нам своей задней частью, и ты услышишь тогда, как его будут проклипать те самые, кто теперь им восхищается». И это как раз случилось, когда обманщик вновь завел свой дифтонг об орле и осле (столь вымышленный относительно первого и столь справедливый относительно второго). В то же мгновение там и сям стали раздаваться откровенные голоса. «Честное слово, – сказал один, – а ведь это был совсем не гений, а осел». – «Что за дураки мы были!» – вскричал другой. И таким образом они взаимно ободряли друг друга, пока не пришли к такому заключению: «Видан ли был когда-либо подобный обман? Ведь на самом деле он не сказал ни одного слова, в котором была бы доля правды, а мы ему рукоплескали. Словом, это был осел, а мы стоим того, чтобы нас навьючили».

Но в это самое время шарлатан выступил снова, обещая другое и пущее чудо. «Теперь вот, – сказал он, – я действительно предложу вам не более и не менее, как знаменитого великана, рядом с которым *Энцэфал и Тифей*¹⁹ не смели бы и показаться. Я должен, однако, вместе с тем предупредить, что кто будет звать его «исполин», тот этим создаст свое благополучие, ибо тому он доставит большие почести, осыплет богатствами, снабдит тысячами, даже десятками тысяч пиастров дохода, а сверх того – чинами, должностями и местами. Напротив, горе тому, кто не признает в нем великана: тот не только не получит никаких знаков милости, но его постигнет даже громовая кара. Взирай, весь мир! Вот он идет, вот он показывается – о, как он высок!» Поднялась занавеска, и появился человек, который скрылся бы из глаз, если бы стал на колодезное коромысло, – величиною как от локтя до кисти, ничтожество, пигмей во всех отношениях, по своему существу и манерам. «Но что же вы делаете? Почему вы не кричите? Почему вы не аплодируете? Поднимайте ваш голос, ораторы! Пойте, поэты! Пишите, гении! Да будет вашим кличем: знаменитый, необыкновенный, великий человек!» Все стояли в оцепенении и спрашивали глазами друг друга: «Что же тут исполинского? В чем же тут называется герой?» Но уже толпа льстецов начала все громче и громче кричать: «Да, да! Исполин, исполин! Первый человек на свете! Какой великий государь был тот-то! Какой храбрый полководец тот-то! Какой отличный министр тот-то и тот-то!» Тотчас посыпался на них дождь дублонов. Тут-то пошли писать авторы! – и не историю уже, а панегирики. Поэты, даже сам *Педро Матео* (он воспел Генриха IV; см.: «Критикон», ч. III, кризис 12, с. 376²⁰), стали грызть себе ногти, чтобы не упустить кусок хлеба. И никого там не оказалось, кто бы решился сказать противное. Нет, все наперебой кричали: «Исполин! Великий, величайший из всех исполинов!» Ибо каждый надеялся получить чин, доходное место. Про себя и в глубине души они, конечно, говорили: «Здорово же я лгу! Он еще не успел вырасти, он карлик. Но что же мне делать? Попробуй скажи что думаешь, – тогда и увидишь, что из этого для тебя выйдет. Поступая же как теперь, я имею на что одеться, пить и есть и могу блеснуть, стану великим человеком. Пусть поэтому он будет чем угодно; вопреки всему на свете, пусть будет исполином». *Андренио* начал следовать за течением и тоже кричал: «Исполин, исполин, огромный исполин!» И в то же мгновение на него посыпались подарки и дублоны. Он воскликнул тогда: «Вот, вот в чем житейская мудрость!» Но *Критило* стоял готовый прийти в исступление. «Я тресну, если не буду говорить», – сказал он. «Молчи, – возразил отрезвитель, – и не навлекай на себя гибели. Подожди немного, когда этот исполин повернется к нам спиной, и ты увидишь, как обстоит дело». Так и случилось: едва тот сыграл свою роль исполина и удалился в гардероб саванов, как все стали говорить: «Что, однако, за простофили мы были! Ведь это был не исполин, а пиг-

¹⁹ Энцэфал и Тифей – титаны, по преданию, побежденные Зевсом.

²⁰ См. Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон. М., 1981. С. 482. Матье Пьер (1563–1621) – французский историограф и поэт, автор «Истории недавних смут во Франции в царствование Генриха II и Генриха IV» (1594).

мей, в котором не было ничего и который был совершенное ничто», – и они спрашивали друг друга, как только это могло случиться. Критило же сказал: «Какая, однако, разница, говорят ли о человеке при его жизни или же после его смерти! Как отсутствие изменяет речь! Велико же расстояние между тем, что над нашими головами, и тем, что под нашими ногами!»

Но обманы нашего нового *Синона*²¹ этим еще не кончились. Теперь он ударился в противоположную сторону и достал выдающихся людей, подлинных исполинов, которых он выдавал за карликов, за людей никуда не годных, ничтожных, даже менее чем ничтожных; и этому все поддакивали, за это тем и пришлось сойти, причем люди, способные к суждению и критике, не смогли и рта разинуть. Он вывел даже феникса, сказав, что это жук. Все согласились, что это правильно: с такой аттестацией феникс и должен был остаться».

Все это – из Грасиана, и все это – насчет «*summo philosopho*», насаждать почтение к которому Датская академия вполне серьезно считает своею обязанностью: этим она дала мне повод за сделанное поучение отблагодарить ее контрпоучением.

Я должен еще заметить, что предлагаемые два конкурсных сочинения были бы выпущены в свете на полгода ранее, если бы я не пребывал в твердой уверенности, что Королевская датская академия, как это подобает и как поступают все академии, сообщит о результате конкурса в том же самом издании, где она печатает для заграницы предлагаемые ею темы (в данном случае это «*Hallesche Literaturzeitung*»). Этого она, однако, не делает, так что приходится добывать ее приговор из Копенгагена, а это тем труднее, что в конкурсной теме не указывается даже и срок, когда приговор этот воспоследует. Таким образом, я обратился к этому пути на шесть месяцев позже, чем следовало. (Впрочем, Академия опубликовала все-таки свой приговор впоследствии, т. е. после появления предлагаемой этики и этой моей отповеди. А именно: она поместила его в объявлениях «*Halleschen Literaturzeitung*» (ноябрь 1840, № 59), а также в объявлениях «*Jenaischen Literaturzeitung*» за тот же месяц; таким образом, в ноябре опубликовано было то, что решили в январе.)

Франкфурт-на-М., сентябрь 1840 г.

²¹ Синон – царь Эвбеи, подговоривший троянцев втащить в город злополучного деревянного коня.

Предисловие ко второму изданию

В оба конкурсных сочинения внесены в этом втором издании довольно значительные добавления, которые по большей части невелики по объему, но вставлены во многих местах и должны способствовать основательному уразумению целого. О них нельзя судить по числу страниц – благодаря большему формату настоящего издания. Кроме того, они были бы еще многочисленнее, если бы неизвестность, доживу ли я до этого второго издания, не вынудила меня за это время пока что последовательно вставлять относящиеся сюда мысли где только я мог, именно: частью – во втором томе моего главного произведения, гл. 47, а частью – в «Парергах и паралипоменах», т. 2, гл. 8.

Итак, отвергнутый Датской академией и удостоенный лишь публичного выговора трактат об основе морали появляется здесь, спустя двадцать лет, во втором издании. Нужные разъяснения относительно приговора Академии даны мною уже в первом предисловии, где прежде всего доказано, что в приговоре этом Академия отрицает, будто она спрашивала то, что она спрашивала действительно, и, напротив, утверждает, будто она спрашивала то, чего она совсем не спрашивала, – и это разобрано мною настолько ясно, подробно и основательно, что ее не сможет обелить никакой крючкотворец на свете. Относительно же значения этого факта мне уже нет нужды здесь говорить. По поводу поведения Академии вообще я могу теперь, имея двадцатилетний период времени для самого хладнокровного обсуждения, добавить еще следующее.

Если бы целью академий было по возможности подавлять истину, посылить души уму и талант и рьяно поддерживать славу пустозвонов и шарлатанов, то наша Датская академия на сей раз превосходно оправдала бы такое назначение. А так как я не могу предложить к ее услугам требуемого от меня почтения перед пустозвонами и шарлатанами, которые подкупленными панегиристами и одураченными простаками провозглашены за великих мыслителей, то я дам взамен господам членам Датской академии один полезный совет. Если господа эти хотят предлагать конкурсные темы, они должны сначала запастись способностью суждения, насколько, по крайней мере, она нужна в домашнем хозяйстве, хоть бы для того только, чтобы в случае нужды все-таки уметь отличить овес от мякины. Ибо, кроме того, что отсутствие такого умения совсем скверно аттестовано в *secunda Petri* («*Dialectices Petri Rami*» *pars secunda, quae est «De iudicio»* (во второй части «Диалектики» Петра Рамуса под названием «О суждении»²²), можно попасть впросак. А именно: за судом Мидаса следует участь Мидаса, притом неизбежно. Ничто не может спасти от нее – не помогут никакие глубокомысленные лица и важные мины. И все выйдет на свет божий. Какие густые парики ни надевайте, все же отыщутся нескромные брадобреи и болтливый тростник – в наше время даже не дают себе труда предварительно вырыть для этого ямку в земле. А ко всему этому присоединяется еще детская самоуверенность, с какой мне делают публичный выговор и печатают его в немецких литературных изданиях, выговор за то, что я не был настолько простофилей, чтобы развесить уши перед затянутым преданными министерскими креатурами и долго распевавшимся безмозглою литературною чернью хвалебным гимном и под его влиянием вместе с Датской академией считать за *summi philosophi* простых фигляров, которые никогда не искали истины, а всегда заботились лишь о собственной выгоде. Неужели же этим академикам не пришлось даже в голову задать себе сначала вопрос, имеют ли они хотя бы только тень права делать мне публичные выговоры за мои воззрения? Разве они совершенно оставлены всеми богами, что им не пришла

²² Рамус Петр (Пьер де ля Раме) (1515–1572) – французский философ, логик и математик. В сочинениях «Подразделения диалектики», «Порицание Аристотеля», «Диалектика» и др. критиковал Аристотеля и схоластическую систему образования. Погиб от рук наемных убийц в Варфоломеевскую ночь.

на ум подобная мысль? Теперь обнаруживаются последствия: явилась Немезида, шумит уже тростник! Вопреки многолетнему совокупному противодействию всех профессоров философии, я проложил наконец себе дорогу, и у ученой публики все больше открываются глаза на *summi philosophi* наших академиков: если их и поддерживают еще чуточку своими слабыми силами жалкие профессора философии, которые давно скомпрометированы связью с ними и к тому же нуждаются в них как в материале для лекций, они все-таки очень сильно пали в общественном мнении, а особенно Гегель быстрыми шагами идет навстречу презрению, ожидающему его у потомства. Мнение о нем за эти двадцать лет уже на три четверти приблизилось к тому исходу, каким заканчивается сообщенная в первом предисловии аллегория Грасиана, и в несколько лет совершенно его достигнет, чтобы всецело совпасть с суждением, которое двадцать лет назад причинило Датской академии «*tarn justam et gravem cffensionem*» («справедливое и сильное негодование». – *лат.*). Поэтому, чтобы не остаться в долгу за ее выговор, я посвящаю в альбом Датской академии гётевское стихотворение:

«Das Schlechte kannst du immer loben, Du hast dafiir sogleich den Lohn! – In deinem Pfuhle schwimmst du oben Und *hist tier Pfuscher Schulzpafron* Das Gute schelten? Magst's probieren! Es geht, wenn du dich frech erkiihnst: Doch treten, wenn's die Menschen spiiren, Sie dich in Quark, wie du's verdicnst» («Плохое ты можешь всегда хвалить, ты тотчас получишь за это награду! В своей луже ты плаваешь сверху и *состоишь патроном пачкунов*. Хорошее бранить? Попробуй! Это удастся, если ты обнаружишь достаточную наглость; но если люди разгадают, в чем дело, они втопчут тебя в грязь, как ты того заслуживаешь»²³. — *нем.*).

То, что наши немецкие профессора философии не сочли содержание предлагаемых курсных этических сочинений достойным внимания, не говоря уже о признании, это уже получило себе надлежащую оценку в моем трактате о законе основания, с. 47–49 второго издания, да и, помимо того, само собою понятно. С какой стати высокие умы этого рода станут прислушиваться к тому, что говорят людишки, подобные мне? – Людишки, на которых они в своих сочинениях – самое большее, мимоходом и сверху вниз – бросают взор пренебрежения и порицания. Нет, то, что мною написано, их не касается: они остаются при своей свободе воли и своем нравственном законе, – хотя бы доводы против этого были столь же многочисленны, как ягоды ежевики. Ибо все это относится к обязательному символу веры, и им известно, для чего они существуют: они существуют «*in majorem Dei gloriam*» («в великую хвалу Богу». – *лат.*) и все заслуживают стать членами Королевской датской академии.

Франкфурт-на-М., август 1860 г.

²³ Goethe J. W. *Zahme Xenien*, 5, 1315–1322.

**Конкурсное сочинение на тему
О свободе воли,
увенчанное Норвежской королевской академией
наук в Дронтенгейме 26 января 1839 г.**

Девиз:

La liberté est un mystère.

(Свобода есть тайна²⁴)

Предложенная Королевской академией тема гласит: «Num liberum hominum arbitrium e sui ipsius conscientia demonstrari potest?»

В переводе: «Можно ли свободу человеческой воли доказать из самосознания?»

²⁴ Цит. по: Гельвеций К. А. Об уме // Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 175. – Слова из сочинения Н. Мальбранша «Источник физического движения».

I. Определение понятий

По отношению к столь важному, серьезному и трудному вопросу, совпадающему в своих существенных чертах с главной проблемой всей философии среднего и нового времени, уместна, конечно, большая точность, и потому мы начнем с анализа содержащихся в теме главных понятий.

1) Что называется свободой?

Понятие «свобода» при ближайшем рассмотрении отрицательно. Мы мыслим под ним лишь отсутствие всяких преград и помех; эти последние, напротив, выражая силу, должны представлять собою нечто положительное. Соответственно возможным свойствам помех, понятие это имеет три весьма различных подвида: свобода физическая, интеллектуальная и моральная.

а) *Физическая свобода* есть отсутствие всякого рода *материальных* препятствий. Вот почему мы говорим: *свободное небо, свободный вид, вольный воздух, свободное поле, свободное место, свободная* (не связанная химически) *теплота, свободное электричество, свободный бег реки*, когда ее не сдерживают более горы или шлюзы и т. д. Даже выражения «свободная квартира», «свободный стол», «свободная пресса», «свободное от почтовых расходов письмо» обозначают отсутствие обременительных условий, с какими обычно сопряжено пользование перечисленными вещами. Всего же чаще в нашем мышлении понятие свободы служит предикатом животных существ, особенность которых – то, что движения их исходят от *их* воли, произвольны и потому именуются *свободными* –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.